
Нектар
за гранью
Кира Си
18+

Кира Си
Нектар за гранью

https://litres.ru/74735012
SelfPub; 2026

Аннотация

Четверо взрослых исследователей открывают дверь в мир, где улей — город, а мёд — память поколений. Здесь крылатые женщины объясняют, как пыльца становится плодом, зачем семье одна матка и тысячи работниц, почему пчёлы танцуют и как гибнет луг, если смолкает их гул. Но чужой нектар будит в людях не пчелиное спокойствие, а человеческий жар. На борту корабля команда теряет осторожность и находит друг друга. А накануне возвращения капитан остаётся с королевой улья — не как завоеватель, а как гость, которому позволили узнать самое сокровенное. «Нектар за гранью» — роман о пользе пчёл, о согласии и о том, что знание тоже бывает сладким и опасным.

Содержание

Глава 1. Чертёж и клятва 4
Глава 2. Первый гул 11
Глава 3. Кто кормит мир 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Нектар за гранью

Глава 1. Чертёж и клятва

Аппарат занимал почти весь ангар. Днём он казался грудой меди, стекла и чёрных рёбер, а к ночи, когда включали контур, по швам пробегала тёплая янтарная искра — будто кто-то зажёг внутри тонкую свечу и забыл задуть.

Алексей Воронцов стоял на стремянке и затягивал последний хомут. Руки помнили чертёж лучше, чем бумага на столе. Тридцать четыре года, усталые плечи, на запястье след от ожога: три месяца назад контур плюнул искрой, и он даже не выругался, только записал в журнал напряжение и толщину прокладки.

— Если сорвётся, — сказала снизу Марина, — я тебя не поймаю. Я биолог, а не сетка.

— Тогда хотя бы опишешь, как я падал. Для науки.

Она фыркнула. Марине было тридцать один. Волосы собраны так, чтобы не лезли в микроскоп, на халате — пыльца с утренней пасеки, которую она держала за городом не ради мёда, а ради вопросов. Пчёлы отвечали на них молча и точнее многих людей.

У пульта сидел Илья. Тридцать шесть, пилот, который больше не летал на обычных машинах: после аварии на севере ему оставили небо, но отняли допуск к большим бортам.

Он не жаловался вслух. Проверял тягу, углы, запас кислорода и иногда слишком долго смотрел на чужие руки, будто искал, за что ещё можно отвечать.

Софья стояла у стеллажа со словарями и медицинским ящиком. Тридцать три, врач и лингвист — сочетание, над которым в институте смеялись, пока не поняли, что в чужом мире сначала слушают, а потом уже лечат. Она умела держать и скальпель, и паузу.

— Контур стабилен, — сказал Илья. — На три минуты. Может, на четыре, если никто не геройствует.

— Четыре минуты чужого неба, — тихо ответила Софья. — Или четыре минуты, чтобы понять, что мы ошиблись в адресе.

Алексей спустился. В ангаре пахло металлом, воском и сладковатой пылью: Марина принесла рамку с сотами, не для опыта в аппарате, а чтобы помнить, ради чего вообще всё это. На стекле ещё дрожала живая тяжесть мёда.

— Повторим, зачем, — сказала она. — Не для отчёта. Для нас.

Алексей кивнул. Они собирали эту машину два года: его расчёты, её полевые дневники, ильины схемы допуска, софьины протоколы первой встречи. Грант был маленький и стыдливый. Название в бумагах звучало сухо: «Кратковременный переход в смежную биологическую среду». Между собой они звали это иначе. Дверью.

Марина положила ладонь на рамку.

— Если там есть жизнь, мы не берём её «для образца любой ценой». Ни яйцо, ни крыло, ни каплю крови без ясного обмена. Наблюдение, запись, разговор, если разговор возможен. И назад.

— А если они опасны? — спросил Илья.

— Тогда уходим, — сказал Алексей. — Опасность — не повод стать хуже того, чего боишься.

Софья открыла блокнот. Почерк у неё был врачский: ровный, без завитушек.

— Я запишу клятву так, чтобы потом нельзя было сказать «мы не так поняли». Слушайте.

Она читала медленно, и ангар будто стал меньше.

Никакого насилия. Ни над кем, кого встретят, ни между собой под видом «так вышло». Никаких образцов ценой раны, плена или обмана. Если существо разумно — сначала имя, потом просьба. Если неразумно — дистанция и бережность. Стоп-слово на корабле и на земле одно: «лёток». Кто его сказал, того слышат сразу, без спора и без обиды. Секс, если он случится, только между взрослыми и только по ясному «да», которое можно забрать в любой миг. Чужое тело — не территория. Чужой улей — не склад.

Илья хмыкнул, но не насмешливо.

— Ты даже это вписала.

— Потому что мы живые, — сказала Софья. — И потому что долгий переход, тесный корабль и страх делают с людьми странные вещи. Лучше назвать их до, чем оправдываться по-

сле.

Марина смотрела на соты.

— Дома пчела не спрашивает цветок, хочет ли он отдать пыльцу. Она берёт нектар и платит тем, что переносит жизнь дальше. Если там, за дверью, кто-то умеет выбирать, мы не имеем права быть только ртом. Мы должны уметь быть и крылом: принести, не сломав.

Алексей провёл пальцем по шву аппарата. Металл уже остыл.

— Я инженер. Я умею открывать. Закрывать тоже обязан уметь. Если переход пойдёт криво, рву контур сам. Даже если за ним будет чудо.

— Даже если за ним буду я? — тихо спросила Марина.

Он посмотрел на неё дольше, чем требовала работа.

— Особенно тогда. Я не оставляю своих по ту сторону ради красивой находки.

Илья встал и положил ладонь на корпус.

— Я держу курс. Если скажете «назад», назад будет быстрее, чем спор.

Софья закрыла блокнот.

— Я перевожу и лечу. И останавливаю нас, если мы начнём путать любопытство с правом.

Они замолчали. Где-то в рамке тонко треснул воск — обычный звук, но в эту минуту он показался подписью.

Алексей достал четыре узкие полоски бумаги. На каждой было одно слово, написанное его рукой: «смотрю», «слышу»,

«берегу», «возвращаюсь».

— Не обряд, — сказал он. — Просто чтобы руки запомнили. Кто не хочет — не берёт. Клятва не становится слабее, если кто-то выйдет.

Никто не вышел. Марина взяла «берегу». Илья — «возвращаюсь». Софья — «слышу». Алексею осталось «смотрю», и он усмехнулся: инженер всегда думает, что главное — видеть. Софья это заметила.

— Смотреть мало, — сказала она. — Пчёлы это знают лучше нас. Они танцуют направление, расстояние и щедрость взятка. Без слушателя танец — просто дрожь.

— Значит, будем учиться дрожать понятно, — ответил Илья.

Они проверили аппарат ещё раз. Кислород. Вода. Аптечка. Пустые контейнеры — именно пустые, Марина настояла, чтобы соблазн «прихватить» не лежал в руках готовой банкой. Диктофоны. Бумага, потому что электроника любит умирать там, где жизнь только начинается. Смена белья. Четыре взрослые жизни, упакованные теснее, чем хотелось бы гордости.

Перед самым запуском Марина остановила Алексея у трапа.

— Если там окажутся не мошки и не пустой лес, а кто-то, кто смотрит в ответ… ты не геройствуй первым. Сначала Софья. Потом я. Ты открываешь дверь. Не грудь.

— Принято.

— И ещё. — Она коснулась его запястья там, где белел ожог. Коротко, по-деловому, но пальцы задержались. — Я хочу этого перехода. И хочу, чтобы мы вернулись людьми, которыми не стыдно кормить пчёл. Смешно звучит.

— Не смешно, — сказал он. — Пчёлы не едят враньё. Они едят то, что цветёт честно.

Илья крикнул из кабины:

— Контур держит четыре минуты десять секунд. Либо мы умные, либо очень везучие.

— Умные, — отозвалась Софья. — Везение оставим тем, кто не читал инструкцию.

Алексей в последний раз посмотрел на чертёж. Линии сходились в кольцо. За кольцом не было подписи «новый мир» — только допуск, температура и пометка его собственной рукой: «не ломать живое ради схемы».

Он положил чертёж в ящик, не в карман. Схема должна была остаться здесь, на случай если вернутся другие и спросят, как открывалась дверь. Клятва уходила с ними.

— По местам, — сказал он.

Люк закрылся. Ангар стал глуше. Марина пристегнулась и всё-таки улыбнулась — не аппарату, а им троим.

— Никакого насилия, — повторила она, уже как пароль. — Никакого образца любой ценой. Только наблюдение и обмен.

— И назад, — добавил Илья.

— И слушать, — сказала Софья.

Алексей положил ладонь на пуск.

— Смотрю, — сказал он. — И открываю.

Янтарная искра пробежала по швам, стала кольцом и на миг пахла не металлом, а тёплым воском. За стеклом ангар дрогнул, будто сота, в которую только что легла первая капля мёда.

Дверь согласилась.

Глава 2. Первый гул

Переход длился меньше вдоха и дольше, чем хотелось памяти.

Сначала пропал звук ангара. Потом пропал сам ангар: стены стали тонкими, как восковая крышечка на запечатанной ячейке, и лопнули светом. Алексея вдавило в кресло не перегрузкой, а густотой — воздух за бортом будто стал слаще и тяжелее. Илья держал штурвал так, словно под ним ещё была земля. Марина не моргала. Софья считала пульс себе и остальным, губами, беззвучно: четыре живых, все на месте.

Корабль сел мягко. Слишком мягко. Опоры ушли в тёплый мох, и где-то под днищем отозвалось низкое, ровное гудение — не двигатель. Двигатель Илья уже заглушил.

— Четыре минуты двенадцать секунд, — сказал он. Голос сел. — Контур жив. Обратный ход есть. Пока есть.

Алексей смотрел в стекло и не сразу понял, что видит небо.

Оно было янтарным. Не закатным и не дымным — густым, как мёд на просвет, с медленными прожилками более светлого золота. Солнце, если это было солнце, стояло низко и не жгло, а грело сквозь кожу корабля. Тени ложились длинные, медовые, с рыжим краем.

А вокруг росли цветы.

Не поле — лес. Чашечки выше человека, лепестки тол-

стые, бархатные, в жилках света. Жёлтые, лиловые, почти белые, с тёмным зевом, где дрожала пыльца крупнее пшена. От них тянуло так сладко, что у Марины на миг защипало в горле. Она всё равно улыбнулась — коротко, по-научному, как человек, который узнал родное в невозможном.

— Нектарники открыты, — сказала она. — И пыльники тоже. Если здесь есть опылители, им есть что носить. Много. Слишком много для мира, который умеет только брать.

— Выходим? — спросил Илья.

— Сначала смотрим, — ответил Алексей. — Потом слушаем. Потом уже ноги.

Они смотрели.

За цветами, на пологом холме, стоял город.

Издали его можно было принять за скалу, облитую солнцем. Вблизи, когда Илья дал увеличение, скала распалась на шестигранники. Ячейки. Одни пустые и тёмные, другие запечатаны восковыми крышками, третьи открыты, как окна. Город рос не этажами, а сотами: пояс за поясом, с арками-летками, с мостами из светлого воска, с башнями, в которых ветер, казалось, сам укладывался в правильный гул. По стенам сновали фигуры. Мелкие на таком расстоянии. Слишком ровные в движении, чтобы быть птицами.

Марина прижала ладонь к стеклу.

— Это не улей, который вырос. Это улей, который построили. Видишь края? Воск резали. Швы ровные. И вон там, у нижнего летка, стоят не просто так. Сторожа. У наших пчёл

тоже есть охрана у входа. Чужого запаха не пускают. Здесь, похоже, то же правило, только больше.

— Насколько больше? — спросил Илья.

Ответ пришёл сам.

Из-за лилового лепестка вышла женщина.

Первую секунду мозг ещё спорил: человек в странном наряде, статуя, сон после перехода. Потом спор кончился. Она была взрослой, высокой, узкой в талии и сильной в плечах. Кожа тёплая, золотисто-смуглая, и по ней — короткий бархатный пушок, гуще на предплечьях, ключицах и внешней стороне бёдер, как у пчелы на груди и брюшке, только человеческий, живой. Из спины выходили крылья: не газовые крылышки феи, а две пары настоящих, с тёмными жилками, сложенные сейчас спокойно. На лбу — усики, тонкие, подвижные. Они дрогнули, когда она повернула голову к кораблю.

Лицо было лицом. Глаза большие, тёмные, внимательные. Рот умел, судя по всему, и молчать, и говорить. На ней не было одежды в земном смысле — скорее сбруя из восковых пластин, ремешков и пыльцевых нитей, закрывавшая то, что улей считал нужным закрыть, и оставлявшая крыльям свободу. На поясе висел инструмент: не жало-оружие, а тонкий нож для воска и моток светлой нити.

Она смотрела на корабль так, как сторож смотрит на чужой запах у летка. Не с ужасом. С оценкой.

— Взрослая, — тихо сказала Софья. — И не одна.

Из цветов вышли ещё. Мужчины и женщины, все взрослые, разного роста, но одной породы: крылья, усики, бархат на коже, руки, которыми можно держать инструмент. У одних пушок темнее, у других почти пшеничный. Кто-то нёс на спине корзину, похожую на увеличенную обножку — комок пыльцы, только сплетённый уже не лапками, а пальцами и восковой сеткой. Кто-то вёл за собой низкую тележку с сотами. Двое у арки города стояли с жезлами, и жезлы были не для красоты: ими они легонько касались входящих, как пчёлы касаются усиками, сверяя «свой — чужой».

Речь донеслась не сразу. Сначала гул. Низкий, грудной, из многих глоток и многих крыльев. Потом поверх гула — слова. Не русские. Короткие, с щелчками и длинными гласными, похожие на то, как если бы танец вдруг согласился стать языком. Софья включила запись и не перебивала. Она слушала так, как врач слушает сердце: не выхватывая красивое, а ловя ритм.

— Есть грамматика, — сказала она через минуту. — Повторы. Обращения. Вон та, первая, говорит не всем сразу. Она спрашивает тех, кто с жезлами. Это не стая. Это пост.

Марина кивала, уже в своём.

— Смотрите на ноги. У наших пчёл пыльца садится в корзиночки на задних голенях. У этих корзины в руках, но движение то же: собрал, сбил в комок, не рассыпал. А вон тот мужчина у цветка — видите? — он не рвёт лепесток. Он входит в зев, выходит, и на предплечье у него жёлтая полоса.

Пыльца. Он опыляет. Осторожно. Как будто цветок — не добыча, а договор.

Илья сглотнул.

— Они нас видят. Уже минуту. И не бегут. И не стреляют. Мне от этого не легче.

— И не должно, — сказал Алексей. — Лёгкость здесь была бы глупостью.

Первая женщина подняла руку. Не угроза. Ладонь открыта, усики направлены на корабль. Двое с жезлами подошли ближе и встали по бокам, крылья чуть разведены — так пчела показывает, что готова и работать, и защищаться. По восковой сбруе у них были знаки: тёмные точки, узор, который повторялся у всех троих. Не украшение. Закон, написанный на теле так, чтобы его читали с лёту.

Софья отстегнулась.

— Если выйдем все четверо, будем толпой. Толпа у летка — уже нападение, даже без оружия. Я и Алексей. Руки видны. Марина — голос в наушнике, если узнаешь поведение. Илья, держи контур. Клятва в силе: никакого образца, никакой хватки. Только смотреть и, если позволят, слышать.

— Я открывал дверь, — начал Алексей.

— Поэтому ты идёшь вторым и молчишь, пока я не пойму, где у них «здравствуйте», — сказала Софья. — Инженер открывает. Лингвист стучится.

Марина коснулась его плеча.

— Если усики прижмутся и крылья задрожат мелко — это

тревога. Если крылья сложат плотнее и шаг станет боковым, не грудью — нас обходят, как обходят чужого у входа, ещё не жаля. Не геройствуй в эту секунду. Отступи к трапу.

— Принято.

Люк открылся.

Воздух вошёл сразу, тёплый, сладкий, живой. В нём была пыльца — Марина увидела её в луче, золотую взвесь — и ещё что-то смолистое, знакомое до дрожи: прополис. Земной улей пах так же, только тише. Здесь запах был речью до речи.

Они спустились. Подошвы утонули в мху. Гул города стал громче, но не хаотичнее. Где-то в сотах пели — или вентилировали: крылья многих тел гнали воздух по ячейкам, чтобы мёд не забродил и детва не задохнулась. Марина поймала себя на том, что считает, как дома: если гул ровный, семья цела. Если рвётся — беда.

Женщина с ножом для воска сделала три шага и остановилась на расстоянии, с которого уже можно говорить и ещё нельзя схватить. Усики медленно описали дугу: корабль, Алексей, Софья, снова корабль. Она произнесла фразу. Потом другую, короче, и коснулась своей груди, там, где под бархатным пушком угадывалось сердце, а ниже — жест к городу, к сотам, к сторожам.

Софья повторила интонацию, не слова. Потом приложила руку к своей груди и показала открытые ладони.

— Мы не копируем смысл, — тихо сказала она Алексею. — Мы копируем вежливость. Пока этого достаточно, чтобы

нас не приняли за осу.

Женщина наклонила голову. На шее пушок расступился, и стала видна тонкая золотая метка, впечатанная в кожу, как клеймо на соте — не рана, а имя места. Она сказала одно слово дважды, указывая на город, и один раз — на себя.

Софья кивнула так, будто поняла хотя бы рамку.

— Город имеет имя. Она, кажется, тоже. И она не зовёт нас внутрь. Она называет границу.

Алексей смотрел на шестигранные стены, на тележки с сотами, на то, как двое молодых мужчин — взрослых, с сильными руками — аккуратно ставили рамку в нишу, проверяя, села ли в паз. Никто не давил. Никто не кричал. Работа шла, как идёт работа в хорошем улье: каждый знает леток, ячейку и час.

Из арки вышла ещё одна фигура, выше остальных, и гул на миг изменил тон. Не стих — перестроился. Крылья у встречных сложились почтительнее. Женщина у корабля не упала ниц. Она лишь повернула усики к пришедшей и уступила полшага, как уступают той, кто держит ритм семьи, а не кнут.

Марина в наушнике выдохнула:

— Это не стража. Смотрите, как меняется вентиляция. Они подстраивают гул под неё. У пчёл так чувствуют матку: не глазами, присутствием. Если это она — мы стоим у порога не города. Мы стоим у порога дома, у которого есть сердце.

Высокая остановилась в тени арки и не пошла к кораблю. Оттуда, из золотого полумрака сот, она смотрела на четве-

рых чужих — даже на тех, кто ещё был внутри, — долго и без жадности. Взрослая. Спокойная. Крылья цвета тёмного янтаря. На голове усики чуть длиннее, чем у сторожей, и венец из узких восковых пластин, не корона ради блеска, а знак, который читается в полёте.

Она подняла ладонь. Сторожа опустили жезлы на толщину пальца. Не мир. Отсрочка.

Софья не улыбнулась. Улыбка без общего языка легко становится оскалом.

— Мы видим вас, — сказала она по-русски, тихо, для своих и для записи. — Вы видите нас. У вас есть речь, ремесло и закон у летка. Значит, дальше не коллекция. Дальше — обмен, если вы сами откроете ячейку.

Ветер прошёл по гигантским цветам. Пыльца взметнулась и осела Алексею на плечо жёлтой пылью. Где-то в глубине города, ровно и мощно, держался гул — первый настоящий голос этого мира. Не угроза и не приветствие. Дом, который дышит.

Илья в наушнике сказал почти шёпотом:

— Контур ещё держит. Но я бы не ставил на то, что мы здесь гости. Пока мы просто чужой запах, который не раздавили.

— Пока, — ответил Алексей и не шагнул ближе. — Этого уже больше, чем мы заслужили за четыре минуты.

Женщина с меткой на шее произнесла ещё одну фразу и показала на мох между кораблём и аркой. Граница. Потом на

солнце, на его медленный ход по янтарному небу, и сложила крылья плотнее: ждать.

Софья перевела не слова — жест.

— Нам дают время до сдвига света. Стоять здесь. Не входить. Не трогать цветы. Если поняли — останемся. Если нет, нас, кажется, проводят прочь ещё до того, как мы успеем стать образцом.

Марина тихо, с сухим восторгом человека, который увидел свою науку живой, сказала:

— Не рвать цветы. Первое правило улья, и оно же первое правило гостя. Они уже учат нас. Вопрос, успеем ли мы оказаться достойными учениками, а не ртом.

Алексей смотрел на королеву в тени сот — ещё не зная её имени, уже понимая, что имя придётся заслужить, — и впервые за весь переход почувствовал не гордость инженера, а точный, почти пчелиный страх: войти в чужой дом можно только боком, с открытыми руками и без банки для добычи.

Гул не стихал. Город дышал. Небо текло янтарём. И четверо взрослых людей стояли у летка, маленькие под гигантскими цветами, с клятвой, которая вдруг перестала быть бумажной и стала единственным запахом, какой они могли предложить взамен своего чужого.

Они остались. Ждать. Слушать.

Глава 3. Кто кормит мир

Свет сдвинулся на ширину лепестка, и граница ожила.

Женщина с меткой на шее — Софья уже звала её в записях Сторож, пока не будет настоящего имени, — не позвала их в город. Она указала усиками на ближайший цветок, тот, что стоял в стороне от летка, и произнесла короткую фразу. Двое взрослых работников вышли из арки без жезлов. На сбруе у них не было знака стражи, зато на предплечьях темнели жёлтые полосы вчерашней пыльцы, а за поясом висели сетчатые корзины.

Марина едва не шагнула раньше времени. Алексей поймал её за локоть — не больно, напоминанием.

— Нас зовут не в дом, — сказала Софья. — Нас зовут к цветку. Это урок или проверка. Руки видны. Ничего не срывать.

Они подошли так, как учил мох: боком, не грудью. Илья остался у трапа, но слышал всё. Софья включила запись и повторила интонацию приветствия. Работница — золотистый пушок, крылья сложены, взгляд деловой, лет около тридцати по человеческой мере лица — коснулась пальцами края лепестка и заговорила. Не с гостями сначала. С цветком. Тихо, как говорят с тем, у кого берут и кому оставляют.

Потом она посмотрела на Марину и показала: смотри.

Чашечка была выше их голов. Зев тёмный, тёплый, пах-

нущий так густо, что хотелось дышать ртом. Внутри дрожали пыльники — мешочки с жёлтой сухой пылью. Ниже, в узкой глубине, поблёскивала капля. Не пыльца. Жидкость.

Марина говорила в диктофон почти шепотом, чтобы не спутать урок своим восторгом.

— Две разные вещи. Пыльца и нектар. Их вечно сливают в одно «пчела собирает мёд». Это ложь, от которой потом болеют и луга, и люди.

Работница зачерпнула каплю тонкой восковой лопаточкой, не касаясь пыльников, и дала Марине понюхать, не отдать. Сладко, водянисто, с травяной горчинкой.

— Нектар, — сказала Марина уже для своих. — Сахарная вода, которой цветок платит за визит. Углеводы. Топливо. Из него пчёлы делают мёд: забирают лишнюю воду, добавляют ферменты, запечатывают в ячейку. Мёд — их зимняя кладовая, не подарок нам. Если семья съест его сама до весны, она права. Это её хлеб.

Сторож слегка наклонила усики. Софья не знала, поняла ли та русские слова, но жест «не брать без спроса» работница повторила сама: лопаточку убрала, каплю не отдала.

Второй работник, мужчина с сильными руками и пшеничным пушком, вошёл в зев по пояс. Вышел осторожно. На предплечье и на бархате груди осела яркая пыльца. Он не стряхнул её сразу. Поднёс руку к другому цветку той же лиловой породы — чуть дальше, ниже по склону — и провёл предплечьем по липкому рыльцу в центре. Жёлтая пыль

осталась на нём тонким следом.

Марина задышала чаще.

— Вот. Вот это и есть работа, ради которой мир ещё не облысел. Пыльца — мужские клетки растения, сухие, белковые. Нектар кормит взрослую пчелу в пути. Пыльца кормит детву: белок, жир, витамины. Но пока она едет на теле от цветка к цветку, часть её попадает на рыльце. Если пыльца своего вида, если рыльце готово — начинается плод. Семя. Завязь. То, что мы потом называем урожаем, ягодой, орехом, стручком, яблоком. Пчела не «делает мёд для нас». Она связывает растение с растением. А уже от этой связи едят и звери, и люди, и следующий год.

Работница, будто услышав смысл, если не слова, сорвала — нет, не сорвала. Срезала ножом для воска один уже увядающий цветок у подножия, тот, что отцвёл и налился. Показала утолщение под чашечкой. Разрезала бережно. Внутри, в мягкой плоти, лежали семена, ещё прозрачные, уже живые.

Софья тихо сказала:

— Она уничтожила один, чтобы показать много. Жертва учителя, не добыча гостя. Не проси второй.

— Не попрошу, — ответила Марина. Глаза у неё были сухие и горячие. — Дома я сто раз рисовала это студентам на доске. Здесь мне разрезали будущее и дали подержать.

Алексей смотрел на семена и думал о своей клятве. Банка для образца жгла бы карман, если бы он её взял. Он не взял.

— Без этого, — Марина повела рукой от пыльника к рыль-

цу, от рыльца к завязи, — многие растения стоят красивые и пустые. Цветут, пахнут, ждут. Некому перенести пыльцу. Ветер справляется с травами и хлебами, вода — с редкими. Но плодовые, ягодные, бобовые, те, у кого цветок устроен как замок под определённый ключ, остаются без завязи. Нет плода — нет семян — нет следующего луга. Нет луга — нет корма тем, кто ест листья, семена, упавшие ягоды. Птицы уходят. Почва беднеет: меньше корней, меньше тени, меньше того, что падает и гниёт в перегной. Мир не умирает в один день. Он становится тише и голоднее. И люди потом удивляются, куда делись яблоки, гречиха, миндаль, клевер для скота. Они делись туда, где смолк гул.

Работник стряхнул остаток пыльцы в корзину — не всю. Часть нарочно оставил на рукаве и пошёл к третьему цветку той же окраски. Мимо жёлтого, хотя жёлтый был ближе и, на взгляд Алексея, богаче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.